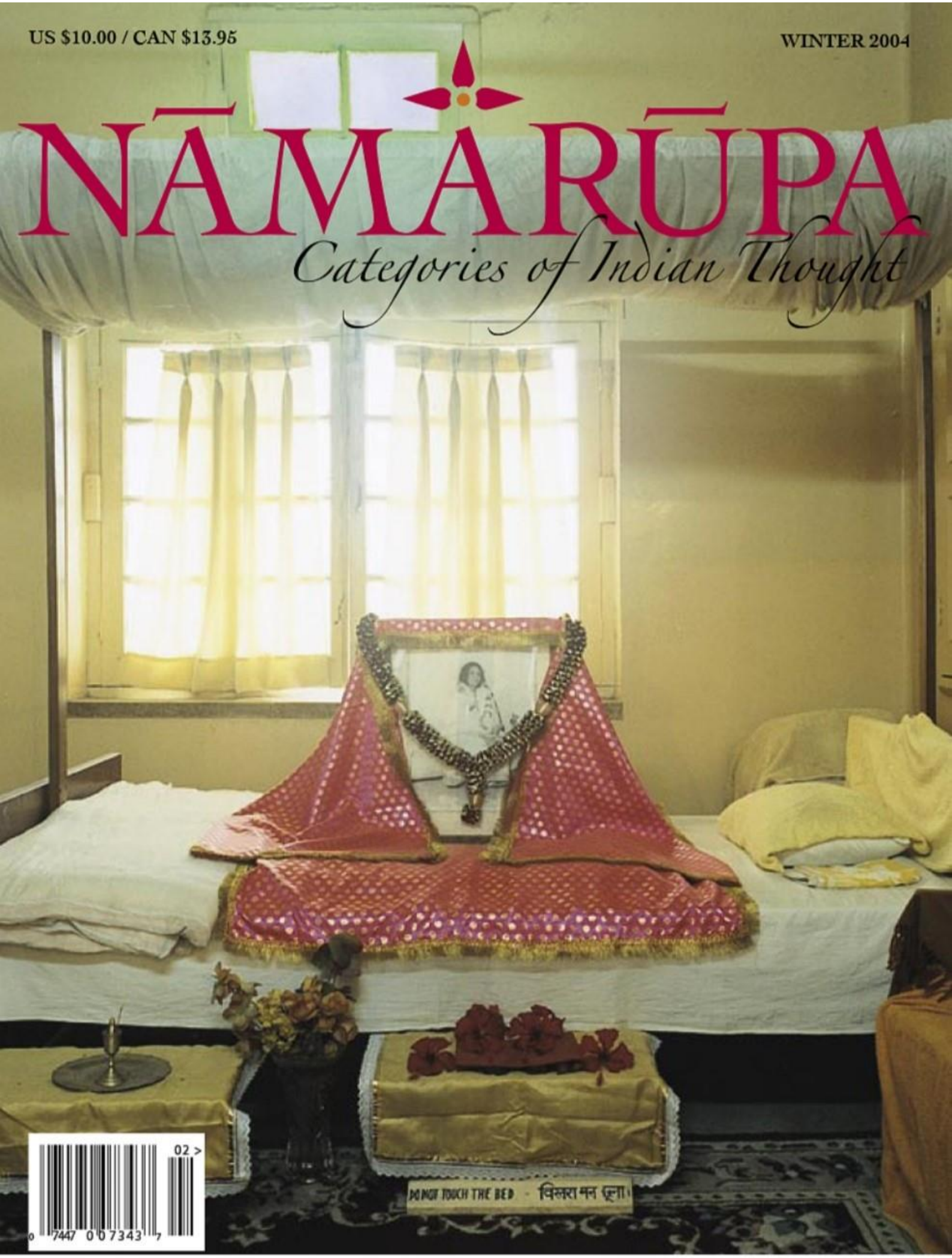
US $10.00 / CAN $13.95

WINTER 2004

NĀMARŪPA

Categories of Indian Thought



02 >
0 7447 00 7343 7

Цикл статей из журнала «НАМАРУПА» #2 2004 г. посвященных

Алану Даниэлу (*Allein Daniélou)*, французскому историку, музыковеду, шиваиту.

Перевод Александры Бабушкиной, при участии Петра Игнащенко, редактор – Михаил Константинов

Источник: www.namarupa.org

Оливье Берггрюен

КРАТКОЕ ЗНАКОМСТВО И ПОДНОШЕНИЕ Ален Даниэлу (1907-1994)

Родившийся в Париже, сын члена кабинета министров, Ален Даниэлу много лет жил в Варанаси, посвятив себя изучению различных форм традиционной индийской культуры и философии.

Дворец в Варанаси, в котором Ален Даниелу прожил 15 лет.

В юности Ален Даниэлу стремился сбежать от удущающей его католической среды, в которой он был рожден. Вхождение в богемную артистическую жизнь Парижа начала 30-х годов, предоставившее возможность знакомства с Максом Жакобом и Жаном Кокто, все же не позволило ему удовлетворить тягу к приключениям и эскапизму. Возможно, он понимал, что брожение умов в Европе знаменует приближение темных дней, и посредством путешествия в удаленные уголки мира стремился оставить позади декаданс, который ощущал дома. В Джибути (франкоязычное государство в северо-восточной Африке) он познакомился со знаменитым писателем и искателем приключений Анри де Монфрейдом, довольно эксцентричным человеком, всю жизнь защищавшим дело независимости Эритреи (соседняя с Джибути территория), а в Афганистане, стране в то время редко посещаемой европейцами, он был удостоен аудиенции короля Надир-шаха. Король дал ему разрешение на посещение Кафиристана, отдаленного региона на юге от Памира. Кафиры были легендарным, яростным и независимым племенем, считавшимися потомками армии Александра Македонского, и в начале двадцатого века их массово истребляли из-за отказа обращаться в ислам. Затем тяга Алена Даниэлу к новым приключениям привела его в Шанхай и Пекин, где Запретный город уже не был запретным для посещения, а его изысканные деревянные дворцы, поразительно обветшавшие, боролись с необратимым разрушением. Однако свой духовный дом Ален Даниэлу нашел в Индии, подобно страннику, который случайно наталкивается на страну, подлинно близкую ему по духу. Сначала он попал в поместье Рабиндраната Тагора в Бенгалии - Шантиникетан (Обитель мира). В этом оазисе культуры европейцы и индийцы общались на равных, но атмосфера там была намеренно индийской. Даниэлу был настолько очарован этим местом, что он и его компаньон из Швейцарии Раймон Бернье остались там на два месяца. Его захватили чары Индии, и он уже был на пути к тому, чтобы посвятить ей всю оставшуюся жизнь.

Во время путешествия в Бенарес в 1937 г., прогуливаясь вдоль одного из гхатов, (массивных ступенек, ведущих к священным водам Ганги), он обратил внимание на огромный дворец Рева Котхи, который тогда по счастливому стечению обстоятельств сдавался в аренду. Так Раймон Бернье и Ален Даниэлу переехали в бывший дворец махараджа Ревы, сдававшийся за достойную королей сумму сто рупий в месяц (меньше чем 100 долларов). Они остались там на долгих 15 лет. Их жизнь была наполнена утонченными удовольствиями, они были очень далеки от растущего беспокойства, сотрясающего Европу, и масштабных светских мероприятий, таких как визит Элеоноры Рузвельт. За годы, проведенные в Бенаресе, Ален Даниэлу вырос из молодого и несколько легкомысленного эстета в преданного своему делу ученого и апологета индуизма, которого особенно привлекали древние доарийские религии Индии. Решительный шаг на этом пути был сделан, когда Даниэлу и Бернье приняли посвящение от Свами Карпатри, основателя Джана Сангхи - политического движения, объединяющего членов всех каст. Так они стали первыми выходцами с Запада, чьи имена оказались вписанными в реестр крупнейшего храма Линга Раджа в Бхубанешваре, что дало им право поклоняться образу Господа в этом священнейшем из мест. Позже Ален Даниэлу пребывал в убеждении, что именно Свами Карпатри представляет истинную, эзотерическую традицию индийского духовного наследия, в отличии от нео-веданты Рамакришны и Раманы Махарши, к которым он не испытывал ничего, кроме презрения.

Вскоре жизнь Алена Даниэлу начала развиваться в трех основных направлениях: изучение и практическое освоение традиционной индийской музыки, исследование архитектуры индуистских храмов, а также изучение религиозной традиции, в особенности культа Шивы. Его глубокие знания в этих областях - это величайшие наследие не только для нас, европейцев, но и для тех молодых индийцев, которые под британским управлением были лишены доступа к некоторым неоднозначным аспектам индуистской религии, таким как тантрические культы.

Ален Даниэлу учился играть на вине у великого мастера Шивендранатха Басу (известного как Шанту Бабу). После шести лет интенсивных занятий он внезапно ушел, не стерпев уничижаюших требований совершенства от своего учителя. Хотя Шанту Бабу нравилось унижать Даниэлу замечаниями о его ужасной игре, своим собственным сыновьям он признавался, что его ученик с Запада - единственный, кто способен к наследованию традиции. В последующей жизни, когда Ален Даниэлу вернулся в Европу (где он жил затем до смерти в 1994 г.), ЮНЕСКО

обратилось к нему с просьбой произвести серию записей традиционной музыки народов мира. С этой задачей он справился превосходно, подготовив свыше ста записей, которые до сих пор остаются замечательными образцами исполнения традиционной музыки.

Ален Даниэлу, играющий на вине в Риме, 1978 г. Фото Ж. Клоаре

Университет Бенареса, музыкальное отделение. Ален Даниэлу на четвертом ряду сверху, шестой слева.

Другой страстью Даниэлу была традиционная храмовая архитектура, особенно средневековая скульптура 9-12 веков, когда были построены многие великие храмы северной Индии. Большинство ученых того времени пренебрегали этим периодом ради архитектуры династии Гупта, что привело к тому, что некоторые из более поздних храмов, как это обнаружил Даниэлу, оказались в буквальном смысле слова заброшенными, под угрозой поглощения тропической растительностью. К примеру, археологи вовсе игнорировали храмовый комплекс Каджурахо до тех пор, пока не вышла посвященная ему замечательная книга Даниэлу с фотографиями Раймона Бернье.[1] Эти фотографии затем с огромным успехом выставлялись в 1949 г. в Нью-Йоркском Музее искусства "Метрополитен".

В отношении социальных и религиозных традиций Индии Ален Даниэлу был страстным защитником кастовой системы, утверждая что эта индийская система функционирует надлежащим образом за счет признания того, что различает людей между собой, без жертв, приносимых ради какого-то искусственного представления о единстве. Человеческая раса образует единое целое, в котором различные элементы выполняют определенные функции. Есть различные родственные линии людей, в которых определенные способности и качества развиваются на протяжении поколений. Эта концепция привела Даниэлу к необходимости придавать особое значение наследственности и утверждать, что у нас всех есть определенный потенциал, соответствующий нашей природе, которая в значительной степени является наследственной. Следование *дхарме* предполагает использование и развитие данных нам физических и ментальных возможностей. Если существуют разные классы людей и различия между человеческими существами, тогда каждый из нас отвечает за определение к какой из групп он принадлежит, что позволит ему добиться духовной и физической реализации. Такая точка зрения подчеркивает необходимость совершенствования сначала на уровне социума, прежде чем стремиться к достижению личностной реализации. Если у нас существуют определенные обязательства по отношению к себе и окружающим, то мы мало выиграем оттого, что будем хотеть взять на себя обязанности, для которых не располагаем необходимыми ресурсами. Ни одно общество не является полностью совершенным, и кастовая система Индии дает каждому человеческому существу свое место в социуме. Даниэлу считал, что эта система превосходит западную модель общества, которая, с его точки зрения, является лицемерной. Америка представляет собой пример общества, в котором утверждается о наличии равных прав у всех, но при этом благосостояние ее граждан в значительной степени обеспечивается за счет иммигрантского населения, которое лишают влияния и притесняют за счет выделения им меньших прав.

Что Ален Даниэлу понял, живя в Индии, так это то, что долгом каждого человека является осознание своей подлинной природы и реализация того, чем он является, настолько хорошо насколько он это может, с учетом обстоятельств своего рождения. Его вторым долгом является проявление уважения к природе других*."Вот почему не может быть никаких общих правил морали, а в основном просто социальные соглашения, которые не имеют ценности на уровне человеческой или духовной реализации индивидуума"*.[2] В то же время он отдавал себе отчет, что такие взгляды становятся все более непопулярными. Хотя у Даниэлу были дружеские отношения с Джавахарлалом Неру (первый президент Республики Индия), он упрекал его партию - Индийский национальный конгресс за недостаточное уважение к традиционной религиозной и социальной структуре Индии. По мнению Даниэлу, роковым поступком Неру было смещение всех чиновников, оставшихся от периода британского управления, и принятие взамен социалистических идей и методов, которые не в меньшей степени являлись европейскими. Более того, Неру продолжал урезать власть местных правителей. Это, как считал Даниэлу, было пагубным для будущего Индии, поскольку традиционные структуры, хоть и имеющие феодальную природу, уже доказали свою эффективность. Социалистические же методы управления сельским хозяйством и распределением продукции были обречены на провал.

Он не одобрял все версии движения, известное как нео-индуизм. Только любимый им Рабиндранат Тагор избежал его яростных нападок. По его мнению, Ауробиндо, Махатма Ганди и Рамана Махарши – герои современной Индии- придерживались вдохновленной *бхакти* религии, но которая была безнадежно испорчена христианским влиянием, превращаясь при этом в нечто немногим большее, чем социальное и политическое движение, а также в удобный инструмент пропаганды и удержания власти. Эта неофициальная религия также поощряла форму сексуального воздержания, которая была родственна не столько индийской аскетической традиции, сколько викторианскому пуританству.

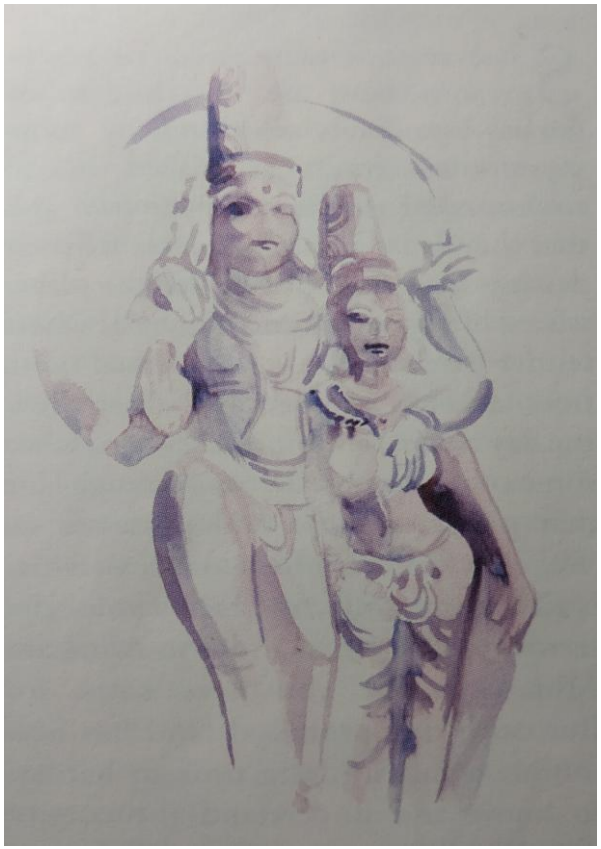
Вместо этого Ален Даниэлу проповедовал то, что он называл индуистским политеизмом, религию, которая стремится к установлению отношений со сверхъестественными силами Вселенной, которая ощущает божественную природу мира и придает ей особое значение- сплетение

ритуалов, верований и магической защиты от богов, все то, что, по его мнению, идет вразрез с доминирующей и очень искусственной религией современной Индии – неоведантизмом. Ему было очевидно, что духовная традиция Индии никогда не была исключительно ведической, но имела своим корнем значительно более древние практики, по сути своей *тантрические,* основанные на *агамах*.

В культе Шивы Даниэлу нашел религию, имеющую естественные связи с языческим, дохристианским миром. (Хотя он порицал монотеистическую составляющую христианства, представленную евангелическим движением, но при этом признавал, что католическая Церковь в некоторых аспектах, таких как культ Девы Марии и различных святых, по сути, близко подходит к политеизму). Даниэлу считал, что западный монизм преуспел в разрушении бесконечной сети отношений между различными существами. В противоположность одномерности монизма, который ведет нас к изоляции, политеизм поощряет взаимозависимость и признает, что каждая из различных форм жизни вносит свой вклад, существуя ради уникальной потребности природы в ней. Это диалектическое взаимодействие между Шивой, который является всей Вселенной и его Шакти -постоянной вибрацией, стало причиной нашего существования. Интересно отметить, но похоже, на Даниэлу мало повлияли те концепции Ницше, которые ближе всего подходят к его видению человеческой реализации, в которой биологическое и духовное неразрывно связаны.

За годы, проведенные в Индии, Даниэлу довелось столкнуться со многими ритуалами, обычаями, предрассудками и верованиями, которые казались ему безусловно знакомыми, но значение которых было утеряно. Некоторые из его теорий - например, утверждение о непосредственной связи шиваитской традиции с культом Диониса в Древней Греции критиковались другими учеными, которые упрекали его за недостаточность доказательств. Его шедевр – книга "*Индуистский политеизм"* [3] провозглашает превосходство в философском отношении многого над одним, множественности над единством; ведантическая идея божественного единства как основания Вселенной обесценивалась в пользу множественности как источника всего, что есть и нашего знания об этом.

Возможно, Ален Даниэлу выдвигает весьма пристрастные утверждения о политеизме, когда отбрасывает индийский монизм, виновный в западном происхождении, притом, что тот совместим с понятиями различия (которые присутствуют в кашмирском шиваизме). Но невозможно отрицать, что его знания Индии и ее культуры были значительно более глубокими, чем у большинства западных ученых. Он никогда не мог сохранять нейтральную позицию по отношению к объекту своего изучения. Совсем наоборот. Он был глубоко и страстно увлечен, и его знания стали отражением ощущения насущной необходимости. Он стал тем, кто открыл нам глаза на разнообразные индийские традиции, традиции, которые приветствуют жизнь во всех ее проявлениях и учат человечество испытывать благоговение перед всеми ее формами. Возможно, это произошло благодаря тому, что жизнь вселяла в него глубокое чувство проживания единой судьбы со всеми вещами и существами. По словам Лу Андреас-Саломе (известная русско-немецкая писательница, философ и психоаналитик), жизнь требует от нас "выказывать почтение к бремени существования", так как каждый из нас несет тяжесть всего бытия.[4]



---

[1] *Le Temple Hindoe (Paris: 1977)*

[2] *Le Chemin du Labyrinthe*. *Souvenirs d'Orient et d'Occident.* 2nd Ed. (Monte-Carlo: Editions du Rocher, 1993) p 336

[3] *Hindu Polytheism* (New York: Pantheon Books, 1964). For a review of this book , see: Paul Hacker, *Kleine Schriften* (Wiesbaden: Franz Steiner Verlag), 1978, pp. 802-[4]

[4] Lou Andreas-Salomé, Looking Back - Memoirs (New York: Marlowe & Company, 1991), p.10.

Ален Даниэлу и Раймон Бернье в день их обращения в индуизм, Варанаси, 1940

Ален Даниэлу ПИСАТЕЛИ И ВЫБРАННЫЕ ИМИ СТРАНЫ, ИНДИЯ

(репринт Le Figaro, 20 июля, 1982 г., перевод Оливье Берггрюена)

Некоторые человеческие существа, чаще всего поэты или музыканты, это дети фей – странники, которых судьба по какой-то таинственной ошибке помещает в окружение, которое им не подходит и которое им надлежит оставить, чтобы реализовать свое предназначение. Никто не хочет убегать из мест первой встречи с жизнью, где завязались первые нежные, дружеские отношения с деревьями, животными и людьми. Тем не менее приходит день, почти случайно, когда некоторые из нас набредают на странную землю, которая притягивает, обволакивает и завладевает нами. Мы ощущаем чувственный восторг, близкий к оргазму, и слышим голос, который, кажется, шепчет нам, как некогда Аврааму: "Это здесь, это есть земля обетованная, куда ты пришел." Но когда эта земля обетованная уже найдена, нужно много времени, чтобы приручить, узнать и понять страну, которая выбрала вас. Вам придется попытаться сделать это и забыть, что вы искали, терпеливо возвращаясь к чудесному смирению детства. Адаптация к новому миру, его способу мышления, языкам, верованиям и обычаям – долгий и сложный процесс. Обнаружение новых горизонтов знания и искусства жить, превращает наше старое «я» в другое существо.

Изначально у меня не было интереса ни к Индии, ни к тому, что называют духовностью - ни к западной, ни к восточной ее разновидности. Я устал от религий, табу, ограничивающей морали, а также от приторного вкуса оккультизма. Я никогда не искал замены религии, к которой принадлежал по рождению и тиранию которой ощущал с горечью. Когда я открыл для себя Индию, я был очарован красотой ее людей, ее климатом и деревьями, ее рисовыми полями, как зеркала, отражающими тяжелые муссонные облака, сильными, мускулистыми, обнаженными крестьянами, заполнявшими все ее пейзажи, резвыми быками с украшенными позолотой рогами, которые танцующим шагом, весело тянули разноцветные повозки. И только постепенно я оказался способным осознать тот образ мыслей, чувств и жизни, которые отражают глубокую основу живущих там людей. Это внутреннее путешествие, начавшееся со встречи с замечательным поэтом Рабиндранатом Тагором, в конце концов привело меня, - после того, как я преодолел сложности языка хинди, – к музыкантам, ремесленникам и странствующим монахам священного города Бенареса. Там я провел более пятнадцати лет в древнем дворце с ажурными мраморными балконами, возвышающимся на берегу реки, к которой тысячи бронзовых тел стекались для ритуального омовения. Легкая дымка, розовая, голубая или золотая, парила над отдаленным горизонтом.

Каждый день, на восходе солнца, я спускался по монументальной лестнице, ведущей к Ганге, для ритуального омовения в ее чуть теплой, глинистой воде, которая смягчает кожу и очищает нас от ошибок. Я изучал музыку, сложное и тонкое искусство *раги.* Ни одна цивилизация не впускает в себя ленивых, профессиональных туристов и праздношатающихся бродяг. Открытие маленькой двери, ведущей к другой культуре, подобно обучению профессии. После того, как его примет общество, современный ученик обучается секретам социальных и человеческих отношений, чтобы он мог безопасно взаимодействовать с членами других каст и карабкаться по социальной лестнице, пока не достигнет корней знания. Проникнуть в иерархическую социальную структуру Индии можно только через скромную дверь ремесленников и мастеров. Родившись за пределами священного периметра Индии, я был даже не *шудрой (*низшая варна*), а млеччхой (*индийское разговорное обозначение для западных варваров), и в качестве такового приравнивался к самой тяжело трудящейся касте, условно считающейся неприкасаемой. Это было

огромным преимуществом, так как люди из высших каст связаны – положение обязывает – сложными ритуалами, долгами и обязательствами, в то время как чем ниже твое положение, тем ты свободнее. Все же между кастами, которые образуют разновидное, но однородное целое, отношения достаточно непринужденные. Достаточно соблюдать правила хорошего поведения и помнить, что нельзя беспокоить браминов и правителей дурными манерами или контактами, запрещенными по ритуальным причинам.

Простые индийцы – это беспечные, забавные, чувственные люди, добродушные, с легкой склонностью к богохульству. Многие из них практикуют экстатические танцы с использованием травяного напитка *бханг (*легкий наркотик*),* который также употребляют аскеты-садху для облегчения ментальной концентрации. Индусы живут в дружеских отношениях с богами, которые также изменчивы, как и люди, и потому не нуждаются в том, чтобы обременять себя религией и моралью в западном смысле. Нескольких магических ритуалов достаточно для умиротворения небесных сил. Пуританский подход, навязанный негативистскими и догматичными религиями, которые уже два последних тысячелетия атакуют мир и отделяют человечество от всего остального творения, в Индии оказывается просто фасадом. Среди религий-сестер античного мира только индийская религия смогла сохранить почти тайно дионисийское вИдение, образ жизни, созвучный природным богам, деревьям, животным и природным элементам. И именно в этой народной и мистической Индии, пропитанной магическими ритуалами, я, будучи изгнанником с Запада, нашел смысл своего существования. Это не та, другая Индия, оскверненная модернизмом Ауробиндо, Ганди и псевдоведанты, с ее туристическими ашрамами, не способная свидетельствовать о дружбе с богами. Глубокая, настоящая Индия проникнута жестокими и опьяняющими жертвоприношениями, экстатическими и эротическими танцами, черной магией, алхимией и культивацией тех тонких энергий, которые позволяют человеку возобновить контакт с таинственными силами, управляющими миром, а также общаться с духами и богами и завоевывать небеса без необходимости ждать, после стерильной и монотонной жизни, неясной возможности мнимого рая, как рабочие после тяжелой трудовой жизни ждут бесконечной скуки пенсии.

Индия, шиваитская и тантрическая, открылась мне как страна счастья, и она научила меня, что именно через экстатическое наслаждение человек может прикоснуться к божественному в жизни. Именно в этом мире, в гармонии со своей собственной природой, я жил и изучал искусство, философию, ритуалы, литературу, музыку, историю, мифы и социальные отношения. Хинди стал языком, на котором я написал несколько книг.

Но однажды река Ганга ушла от моего дома, оставив только песок и пыль. Это было дурным предзнаменованием. Потом пришли гражданская война, независимость Индии и раздел Индии и Пакистана. Колониальные хозяева передали власть оппозиции, состоящей, по правде говоря, из их же сообщников, юристов, обученных в Лондоне и проникшихся романтическими идеями социализма и англосаксонским пуританством. Ганди, Неру, Джинна, новые хозяева Индии, были глубоко враждебны традициям страны, невзирая на умный маскарад Ганди. Они заявили об отмене сословий (варн), завладели собственностью благородных наследственных правителей прошлого, объявили вне закона проституцию и гомосексуализм, начали преследовать традиционные учения и открыли священные места для туристического бизнеса. Неру сам отдавал себе отчет в этом. Я был достаточно плотно знаком с ним в годы борьбы за независимость, и однажды он сказал мне: «Вас интересует в Индии все то, что мы хотим разрушить.» В этом ксенофобском климате после обретения Индией независимости, было очевидно, что я стал неудобным свидетелем, так что я был вынужден оставить страну, которую любил, и где провел самые плодотворные годы моей юности, подобно другим убегая от тирании, чтобы найти убежище в новой стране. Для меня Индия никогда не была иностранной страной. Она, вместе с Древним Египтом, Грецией и Римом, является частью культурного универсума. Но только в Индии уцелел подобный мир. Вот почему некая составляющая Индии переносит нас к самым истокам той цивилизации, которая также породила и западный мир. И только когда Индия явит нам эти истоки, мы сможем

начать улавливать значение тысяч остатков из прошлого – ритуалов, поверий и мифов, которые в других местах сохранились в более или менее замаскированном или трансформированном виде, несмотря на абсолютизм новых религий.

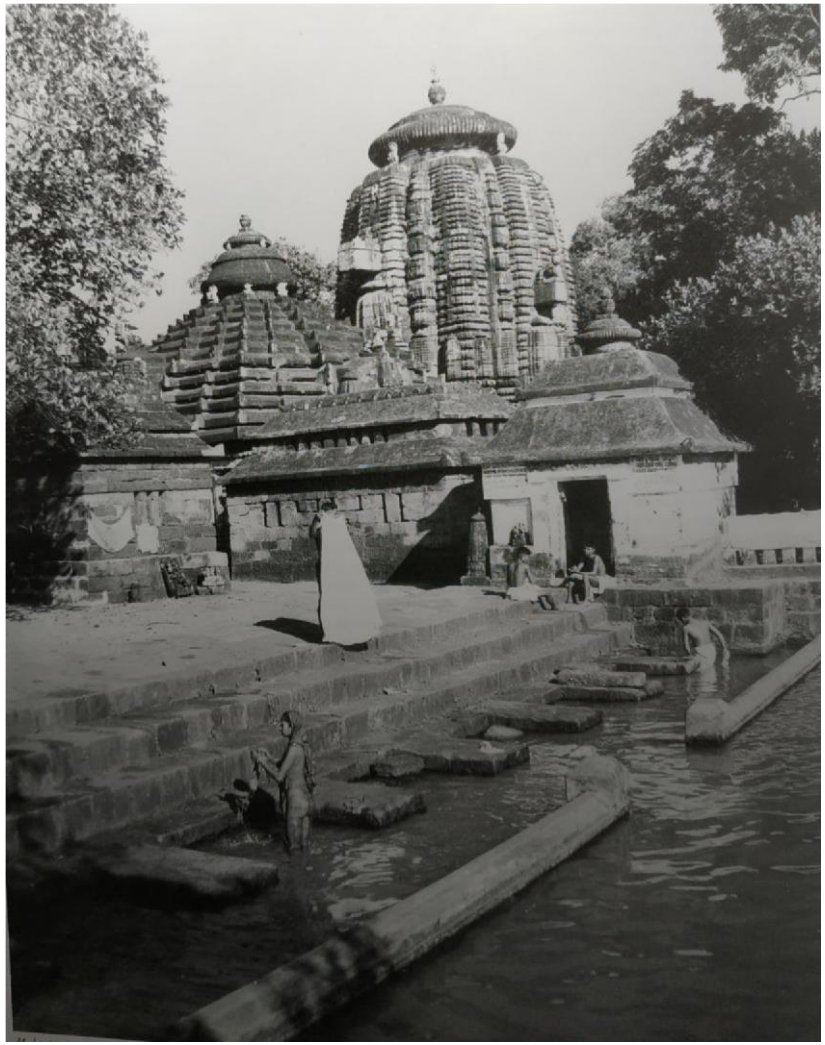
Вот почему в Индии можно возвратиться к истокам истинной европейской культуры и освободиться от моральных и идеологических заблуждений, общепринятых в современном мире, снова обретая идеал золотого века, память о котором все еще коренится в человеческом сердце, несмотря на то, что структура современных городов пытается вытеснить ее.

Индия стала моей страной – не в качестве экзотического приключения, но как повторное обретение подлинных основ мира, к которому я принадлежу по причуде рождения и который пришел в упадок после пятнадцати веков тирании церкви. Это в Индии и благодаря Индии я открыл для себя и понял Диогена, Еврипида, Гесиода, Вергилия, Петрония, при том, что апостол Павел и св. Фома Аквинский продолжают оставаться совершенно непонятными для меня. Индия вернула меня к моим корням, и куда бы я ни поехал, я беру с собой драгоценный багаж ее образа мышления и жизни, который с легкостью прижился в подвергшейся влиянию этрусков Италии, где я сейчас живу.[1] Дионисийское видение мира, которое ставит человека на его подлинное место среди творения, имеет для меня универсальную ценность. Это истина вне времени.

Те, кто сейчас разочарованы и, убегая из западного полушария, направляются в Индию в поисках фантастических гуру, слишком зависимы от собственных неврозов и миражей, чтобы когда-то войти в воображаемую страну, которую они создают для самих себя. Иногда я с интересом слушаю рассказы об их приключениях в стране, которая, кажется, не имеет никакого отношения к той Индии, которую я любил и знал в своей жизни.

---

[1] Даниэлу провел поздние годы жизни в Le labyrinthe – доме на природе, неподалеку от Рима.



Храм Муктешвара, Бхубанешвар, Орисса. Фото Алена Даниэлу.

МУДРОСТЬ И СТРАСТЬ

Лекция Жака Клоаре. Le Labyrinthe, 1 марта 1995 г.

Перевод Оливье Берггрюена

Дамы и господа,

Я познакомился с Аленом Даниэлу в Париже в 1962 г, в то время, когда он основал Берлинский международный институт сравнительного изучения музыки. В 1964 г. он попросил меня оставить должность преподавателя и присоединиться к нему в прусской столице. Таким образом, за последние тридцать лет я провел много времени рядом с ним, сначала в Берлине, потом в Венеции, где он основал еще один институт в 1970 г., и наконец в большом доме, известном как «Лабиринт», куда он удалился на покой в 1980 г. Так что я предлагаю вам его портрет, но прошу вас воспринимать это просто как личную точку зрения близкого свидетеля, поскольку среди людей его века он остается одним из самых многогранных и сложных для описания. Эта фраза из его мемуаров звучит для меня очень правдиво:

«Когда я пишу эти мемуары, я чувствую, что ничего не сказал о том, что было самым важным в моей жизни, о настоящем смысле своего существования. Возможно, за всеми этими разнообразными забавными историями и размышлениями чуткий и проницательный читатель поймает отблеск того другого путешествия, путешествия внутренней Сущности, которое разворачивается далеко за пределами человеческих приключений, встреч и страстей, в реальности, которую невозможно описать словами».

Эти мемуары стали очень популярными благодаря независимому мышлению Алена и самой оригинальности этой «маргинальной, но совершенной жизни», как назвал ее Бернар Пиво (известный французский тележурналист) в своей программе «Апострофы»… Но мемуары Даниэлу не полностью удовлетворяют меня, так как в них выделено очень мало места для интроспекции. На самом деле, прежде всего и в наибольшей степени, Ален Даниэлу был скрытным, таинственным и держащимся в тени человеком. Он мало говорил, не учил и не излагал публично свои идеи, но вместо этого ждал, пока к нему кто-то придет сам и после этого, уделив пришедшему максимальное внимание, высказывал несколько общих соображений, которые успешно направляли человека в правильном направлении, оставляя впечатление, что решение его проблем заложено в них самих.

В тандеме с этим ощущением скрытности шла его поразительная техника общения, никогда не позволяющая вынести о нем определенное суждение. *На самом деле, за три последних десятилетия, которые я провел с ним, я никогда не мог приписать ему какое-либо достоинство или недостаток без того, чтобы это качество не было немедленно опровергнуто своей противоположностью. Стоило только произнести какое-либо мнение о нем, как тут же появлялись десять примеров, опровергающих это мнение.*

Он был моим *Гуру*, моим учителем, в точном соответствии со значением, придаваемом этому понятию в Индии, а я был его *шишья,* его учеником. Но это стало мне окончательно очевидно только после его смерти, и сам факт того, что я понял это так поздно, возможно, связан с индийской концепцией отношений между учителем и учеником.

"Ученик никогда не отказывается от своего свободного суждения и независимости, и никогда его учитель не берет на себя ответственность за навязывание ему определенного образа жизни или мысли. Учитель отвечает только на те вопросы, которые были ему заданы, и его мнение имеет чисто рекомендательный характер."

Вскоре после его ухода из жизни я перечитал эти фразы, взятые из его книги "Боги любви и экстаза – традиции Шивы и Диониса" и наконец уловил суть отношений между учителем и учеником. И другое, довольно близкое к этому определение, можно найти в его книге "Пока боги играют":

"Гуру, носитель традиции знания, обязан передать эту традицию дальше... Ученик, шишья, - это сосуд (патра) для наставлений своего учителя или учителей, которые передают ему те элементы знания, которых он представляется достойным."

По мере моих возможностей и в качестве ученика, который продолжает воспринимать идеи Алена Даниэлу, я полагаю, что моя роль сейчас состоит в том, чтобы сохранять его работы и открыть к ним доступ тем, кто подобно ему самому, пытается понять сложность окружающего мира и проявить почтение к труду его создателя.

Так что сегодня я хотел бы поделиться необычайными воспоминаниями о человеке, чьей жизнью управляли *мудрость* и *страсть.* Но перед тем как начать, мне вспоминается кое-что, что он часто говорил мне: ***«Перед любой дискуссией попытайся дать точные определения словам, которые ты будешь используешь, чтобы убедиться, что все говорят об одних и тех же вещах».*** Он считал, что большинство непониманий и разногласий, особенно на важных международных, многоязычных конференциях, в которых он принимал участие, связаны со склонностью людей использовать одни и те же слова, придавая им разное значение. Проблемы языка были чрезвычайно интересны для него, начиная от момента формирования концепции в мозгу до устного и письменного выражения – различные стадии речи, в общем, все то, что весьма подробно изучалось индийскими философами.

Таким образом, я начну с уточнения того, что я подразумеваю под словами *мудрость* и *страсть.* С точки зрения этимологии, основное значение слова *мудрый* (*sage* во французском) происходит от латинского sapiens (le savoir (знание) во французском), и нет сомнений в том, что Ален Даниэлу идеально соответствовал этому определению, принимая в расчет его огромные знания. Есть и другие, более древние определения этого слова из словаря - «тот, кто обладает истинным знанием вещей; просветленный», и они также подходят. Но если мы возьмем это слово в его современных значениях «покорный», «сдержанный», «скромный», «умеренный», «осторожный», «благоразумный», мы будем вынуждены признать, что все эти определения, которые легко найти в словаре, явным образом противоречат его личности. Потому что, как он часто говорил мне, затевая какое-нибудь экстравагантное предприятие: «я абсолютно неблагоразумен». И в этом он был полностью прав.

Что же касается страсти, которая жила в нем, то она не может быть понята через отсылку к этимологии этого слова - латинскому *passio,* что означает «страдание». Французское слово *patir (страдать, терпеть)*, также произошедшее от этого латинского корня, определенно не имеет к нему никакого отношения. Напротив, мы должны обратиться к современному значению этого слова, чтобы охарактеризовать его глубочайшее увлечение теми задачами, которые он ставил перед собой, и удовольствиями, предоставляемыми ему земной и человеческой красотой. Эта страсть в нем часто принимала форму «иррационального, эмоционального, резкого мнения, но не приводила к эмоциональному и интеллектуальному состоянию, достаточно мощному для того, чтобы доминировать в духовной жизни за счет интенсивности своего влияния или постоянства своего действия.» Вот перед нами мимолетно вспыхивает картинка, на которой он находится за рулем стремительной машины (Порше или Ягуара) и едет на красный свет в полном полицейских Берлине. Вот мы видим его курящим одну сигарету за другой - эту привычку он приобрел в Адьярской библиотеке в Мадрасе, где курение было строго запрещено. Вот он готов вернуться в Индию, чтобы получить высочайшую награду от Президента

Индийского Союза, после того как уже был возведен в ранг кавалера Ордена Почетного легиона де Голлем и повышен до звания офицера Ордена Франсуа Миттераном – он утверждал, что презирает всех этих государственных деятелей.

Мы также наблюдаем, как он страстно заинтересовывается новым музыкальным инструментом, который два молодых французских исследователя Мишель Гейсс и Кристиан Браут разработали на основе теорий из его книги «*Sémantique Musicale» («Музыкальная семантика»).* Или же видим его высоко на строительных лесах, откуда он наблюдает за постройкой крыши дома по его собственному проекту. Или наблюдаем, как вдали от Индии им овладевает страсть к культу Диониса и, незадолго до смерти, к культу Митры. Или в Берлине 70-х годов мы узнаем его как бойца, спорящего со специалистами по этнической музыке со всего мира, а позже видим, как в Москве, куда он был приглашен советскими чиновниками, он обличает российский империализм в азиатских республиках.

Иными словами, все это достаточно далеко от образа великого мудреца и от впечатлений тех, кто знал его в период "осени его жизни". Но такова была его личность. Потому что на самом деле в обществе он был подстрекателем, провокатором, который не считал, что его индийская ортодоксальность противоречит его природе. Напротив, он уважал философские учения, полученные им от пандитов Бенареса.

Он всегда причинял беспокойство и расстраивал планы. Начиная с подросткового возраста, его основные интересы - музыка, танцы, рисование приходили в противоречие с желаниями его матери. Он хотела, чтобы он стал инспектором в Министерстве финансов, как его дядя Кламорган (друг де Токвиля), а он стал певцом, танцором, пианистом и даже композитором, о чем свидетельствует недавно опубликованная музыка к кинофильмам.

Позднее он стал индологом, бегло говорящим на хинди и переводящим с санскрита. Вскоре, однако, он превратился в нежеланного гостя в университетах, поскольку не разделял их образа мыслей. Но больше всего беспокойства приносили его артистические наклонности: он любил индийскую музыку, ту самую музыку, которую играл на своей *вине*. И он любил архитектуру и скульптуру средневековых храмов, обнаруженных в джунглях центральной Индии. Но поскольку он всегда культивировал эстетический подход к жизни, было трудно воспринимать его «всерьез». И все же, всё что он делал, проживалось им со страстью изнутри. Когда он переехал в Индию, он жил как индиец и мог говорить об Индии с такой ясностью и знаниями, каких не было не у кого из выходцев с Запада, так что его присутствие в сфере изучения Индии сделалось необходимостью. Аналогично, в области традиционной музыки он сделал для ЮНЕСКО серию записей, несравнимых с другими по строгости отбора в художественном и техническом отношении, что позволило ему утвердить статус этой музыки как формы искусства, а не просто разновидности народной культуры. И эта коллекция записей, недавно снова изданная на компакт-дисках, остается совершенным образцом и его величайшим достижением, поскольку с помощью этих записей ему удалось изменить отношение на Западе к музыке Азии.

Но он был источником беспокойства и на политическом фронте, поскольку очень рано начал бороться против западного империализма и колониализма на Востоке, сначала в сфере музыки, а потом и в более широких областях - в культуре и образовании. Начиная со своего первого произведения «*Le Tour du Monde en 1936»* («Вокруг света в 1936») он активно защищал и американских индейцев и индийцев, резко критикуя англичан за их политику расовой дискриминации в отношении этих народов. Ему удалось найти в ЮНЕСКО нескольких должностных лиц, которые разделили его точку зрения и были готовы помочь ему в этих кампаниях протеста. Но ему не нравились те, кто считал его традиционалистом и консерватором из-за того, что он находился в открытой оппозиции по отношению к социализму и особенно к коммунизму. И нет ничего удивительного в том, что мы находим в его произведениях кампанию протеста против всех авраамических религий Священного Писания (определяемых им как монотеистические и догматические), и обнаруживаем, что он считал арийцев варварскими захватчиками, первыми провозвестниками упадка. Вместо этого его интересовали цивилизации, предшествующие вторжению арийцев – такая точка зрения была выражена

в его книге «Шива и Дионис», которая больше всего переводилась на иностранные языки. В этой книге он излагает мировоззрение шиваизма, исключающее все догмы и таким образом устраняющее все пределы познания.

Были у него и книги, вызвавшие неловкость в обществе, такие как «*Индуистский храм: обожествление эротичности*» - книга об эротических скульптурах в средневековых храмах; “*Фаллос, священный символ мужской творческой энергии*» и «*Полная версия Камасутры*» - первый несокращенный современный перевод классического индийского текста.

Даниэлу легко перемещался между разными слоями общества, от римского полусвета и кварталов лачуг в Тибуртино, столь любимых Пазолини, до лучших домов европейской аристократии, и от суровых браминов в Бенаресе к танцовщицам «Мулен Руж». Но когда бы его ни просили встретиться с известным интеллектуалом или с выдающимся политиком, он был холоден, молчалив и выглядел скучающим, с тем чтобы после встречи броситься в такси и начать оживленную беседу с водителем, как будто они были давно расставшимися друзьями. В числе его любимых капризов были и пространные беседы с садовниками или ремесленниками, можно сказать, со всеми, у кого он мог поучиться.

Итак, одновременно не поддающийся классификации и вызывающий беспокойство - таким снова и снова предстает перед нами его образ. Я полагаю, что его характер более типичен для странствующих индийских монахов, *садху*, которые всегда противостоят "системе" и отказываются подчиняться принятым в обществе правилам, оставляя мир, в котором они были рождены. Они не признают законов, и в этом подобны некоторым группам современной молодежи, которые, похоже, следуют тому же пути и отказываются отождествлять себя с миром, созданным для них их родителями.

В попытке описать Алена Даниэлу надо также помнить о его борьбе со всеми идеологиями, догмами, философскими и религиозными системами. Для него все и всегда должно было подвергаться сомнению. Только знание, только поиск наилучшего объяснения имели значение для него, отсюда и его яростные нападки против любых форм догмы и его понимание индуизма:

"Единственные ценности, которые я никогда не подвергал сомнению, это ценности, которые я узнал из шиваизма – учения, отвергающего все догмы, и никогда мне не доводилось сталкиваться с другой формой мысли, которая шла бы так далеко, так ясно, с такой глубиной и проницательностью к пониманию божественного и структуры мира."

Насколько хорошо Ален Даниэлу известен сегодня за пределами Франции? Или в самой Франции, если на то пошло? Я только что вернулся из Лозанны, где помогал в подготовке фотовыставки в Елисейском музее. Мой авиарейс Air India задержали, и я наблюдал группу швейцарских и французских "паломников", которые изучали основы индуизма и сражались с различными понятиями, связанными с Шивой, Парвати, Картикеей, Ганешей и т.д. Я одолжил у них посмотреть туристический путеводитель и с досадой обнаружил, что ни одна из книг Даниэлу не была в нем упомянута.

Это была ненужная досада. Даниэлу сам считал свою работу в каком-то смысле сокровенной, и поэтому предназначенной лишь для людей, искренне ищущих более глубокого понимания мира вокруг нас. Зачем позволять себя обманывать ажиотажу, раздуваемому СМИ вокруг любого продукта, будь он интеллектуальным, художественным или материальным? Для Даниэлу, напротив, было важно публиковаться, не думая о тиражах; настоящие ученики, стремящиеся к знанию, всегда найдут то, что они ищут. Конечно, в этом есть элитарный подход, который точно не понравится некоторым. Это связано с индийской концепцией общества и кастовой системы, в которой только небольшая, хорошо подготовленная доля населения (брамины и саньясины) занимались интеллектуальными вопросами. Однако сегодня мы наблюдаем, как его переведенные книги

находят новых читателей в англосаксонских странах, особенно в США, что делает их более доступными и для индийцев, и молодежь с удивлением открывает для себя работы этого француза, так глубоко погруженного в традиционный индуизм. Но Ален Даниэлу на самом деле считал себя не новатором, а выразителем взглядов древней шиваитской традиции, переданной ему пандитами Бенареса.

В завершении я хотел бы сказать о двух посланиях для нас от Алена Даниэлу.

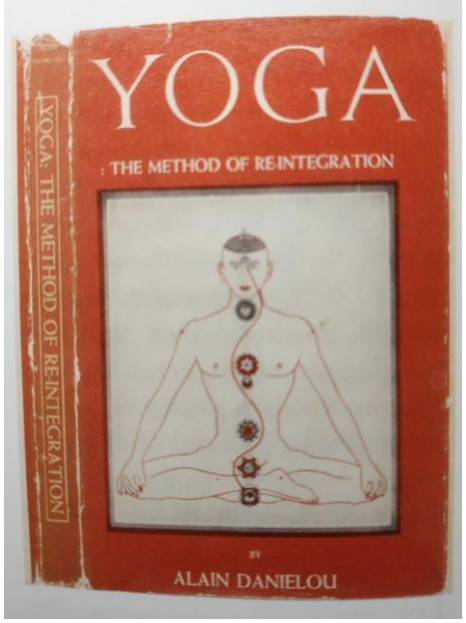
Первое из них о том, что мы должны попытаться принять мир, творение, такими, как они есть, а не такими, какими бы нам этого хотелось, и остановить свой антропоморфизм, который ведет только к катастрофе. Это послание совпадает с идеями новейшей экологии. Нам также придется признать, что мы одновременно являемся "добычей и хищником". Долгое время мы считали, что являемся только хищниками, но микроскопические вирусы, которые атакуют и поражают нас, и вызывающие такие недуги, как рак и СПИД, напоминают нам о равновесии, заложенном в основе мироздания.

Второе послание относится к нашему стремлению понять свою роль и смысл существования на земле, и в качестве индивидуальностей и в качестве представителей своего вида. Нам дается два долга: один заключается в передаче жизни через деторождение посредством передачи нашего генетического кода, что является единственной дорогой вперед (и, по его мнению, это исключает любые идеи о рае, реинкарнации и т.д.)... Второй долг состоит в передаче знания, и в этом он видел свою индивидуальную миссию. На самом деле, чем старше он становился и чем больше приобретал знаний, тем более очевидным это становилось для него, и он отбрасывал все обряды и ритуалы, чтобы сосредоточиться на исследовании и понимании. И он любил говорить "**Если ты знаешь, тебе не нужно верить**", что сродни утверждению Пикассо "Я не ищу, я нахожу". Мне кажется, оба эти утверждения имеют отношение к идее счастья на земле, идее, которая однажды привела друга Даниэлу к тому, чтобы написать: "Мне хотелось бы думать, что он вложил свой гений в свою жизнь. Сама его жизнь была его шедевром."

Ален Даниэлу в Раджпутане,
Индия, 1950 г.

Отрывок из книги Алана Даниэлу *«Йога, метод восстановления целостности»*

ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ ЙОГИ, ХАТХА ЙОГА. ПОЛОЖЕНИЯ ТЕЛА ИЛИ АСАНЫ



Перед тем как предпринимать попытку ментальной концентрации, тело должно быть размещено в благоприятной и удобной позиции, в такой, где оно может не отвлекать внимания длительное время и в которой различные центры или точки, где соединяются грубое и тонкое тела, располагаются в определенных положениях относительно друг друга. Каждый вид живого существа характеризуется различием в относительных позициях этих центров, и это может быть представлено с помощью геометрической фигуры. Если мы намеренно помещаем эти центры тела в определенную относительную позицию, создавая геометрическую фигуру, характеризующую определенный вид, мы вступаем в контакт с космической сущностью, которая выражает себя в этом определенном виде существ. Поэтому многие позиции тела (асаны) ассоциируются с различными сущностями или животными.

Хотя оно весьма велико, количество всех возможных позиций этих центров относительно друг друга является все же ограниченным. Общее число возможных видов живых существ, согласно индуистской теории, составляет восемьдесят четыре раза по сто тысяч. Сказано, что в начале творения Шива создал все эти виды, приняв все позиции.

Эти положения тела помогают укрепить тело и стабилизировать ум. Положение, в котором человек может дольше всего пребывать без усилий, является для него наилучшим. Само слово *асана* имеет значение «легкое, удобное положение», и такими и должны быть эти положения, чтобы проявлять свой полноценный эффект.

Оставаться неподвижным длительное время без усилия – это асана.[1]

Цель этих положений тела достигается, когда «физические реакции тела устраняются, а ум растворяется в Бесконечном.»[2]

Чтобы почувствовать этот эффект, необходимо оставаться в одном положении без движения одну вахту (состоящую из трех часов). Но даже опытным адептам обычно нужно не менее восьми часов в этом состоянии, чтобы достичь состояния *самадхи*.

Тогда йогин больше не подвергается воздействию парных противоположностей (т.е. жары и холода, удовольствия и боли и т.д.), и он приобретает владычество над всеми элементами.[3]

Тот, кто в совершенстве овладевает этими положениями тела, покоряет три мира.[4]

Во время практики всех основных поз сидя позвоночник, голова и шея должны удерживаться прямо, глаза или же закрыты или же зафиксированы на кончике носа или на точке между бровями.

Из теоретически существующих восемьдесят четыре раза по сто тысяч поз только восемьдесят четыре общеизвестны и имеют особое значение, и сказано, что из этих оставшихся только тридцать три дают хорошие результаты, и только две могут практиковаться всеми.

Различные асаны подробно описаны в разных книгах по йоге. ***Хатха Йога Прадипика*** описывает 14 асан, ***Йога прадипа*** - 21, ***Гхеранда самхита*** - 32, ***Вишвакоша*** - 32, ***Анубхавапракаша*** -50. Однако все соглашаются в том, что количество основных поз составляет 84, хотя и существуют некоторые технические различия в их описании. И только четыре асаны повсеместно практикуются, как самые главные. Это совершенная поза (сиддхасана), поза лотоса (падмасана), поза процветания (свастикасана) и поза льва (симхасана). Поза процветания (свастикасана) иногда заменяется на позу благополучия (*бхадрас*ана).

Сиддха, Падма, Симха, Бхадра – это четыре основных положения тела.

Наилучшего достигает тот, кто всегда сидит без усилия в сиддхасане.[5]

Однако ***Ишвара Гита*** (которая также цитируется в ***Йогасара санграхе***) утверждает:

Сказано, что лучшими позами являются поза процветания, поза лотоса и половинная поза (ардхасана).

А ***Шива самхита*** (3,100) описывает в качестве четырех основных поз совершенную позу, позу лотоса, устрашающую позу (уграсана) и позу процветания.[6]

Свастикасана и падмасана более подробно описаны в связи с мантра-йогой. В ***Бхагавад Гите*** выполнять асаны предписываются Господом Кришной следующим образом:

В чистом месте устроив устойчивое сидение для себя, не слишком высокое, не слишком низкое, покрытое одеждой, шкурой лани и травой куша[)];

Там, сердце (манас) установив на одном, укротив деятельность мысли и чувств, опустясь на сиденье, пусть упражняется в йоге ради самоочищения.

Ровно и неподвижно держа туловище, голову, шею, стойкий, устремив свой взор на кончик носа, не глядя в стороны ,

С успокоенным духом, отогнав страх, укротив манас, думая обо мне, преданный, да сядет он, устремясь ко мне, стойкий в обетах брахмачарья.[7]

Похожее предписание дается в ***Бхагавата Пуране*** (глава 14).

Многие позы имеют различное воздействие в зависимости от уровня развития практикующего их индивидуума. Поэтому необходимо изучать их под руководством квалифицированного учителя. В разных школах существуют некоторые вариации в описании нескольких поз. Чтобы эффект от выполнения этих поз был полным, они должны сопровождаться определенными жестами рук (мудрами), контролем дыхания (пранаямой) и произнесением герметических формул (мантр).

---

[1] Йога сутры Патанджали, 2,46.

[2] Йога сутры Патанджали, 2,47.

[3] Йога сутры Патанджали, 2,48.

[4] Тришикхабрахмана Упанишада.

[5] Хатха Йога Прадипика 1.34 *(в пер. Ригина 1.36)*

[6] Шива-самхита , 3,100.

[7] Бхагавад Гита, 6.11-6.14 (пер.Б.Смирнова)

Примечание редакции: на русском языке опубликованы две книги Алена Даниэлу:

1. ШИВА И ДИОНИС (Клуб Касталия, Москва, 2015)
2. ПОКА БОГИ ИГРАЮТ (Русский Міръ,Санкт-Петербург, 2019)